

ФРИДРИХ РАТЦЕЛЬ: ЖИЗНЬ, АНТРОПОГЕОГРАФИЯ И ГЕОПОЛИТИКА

Немецкий географ, этнограф, социолог, но, прежде всего, родоначальник геополитики, Фридрих Ратцель родился 30 августа 1844 года в Карлсруэ в семье придворного камердинера великого герцога Баденского. Богатая библиотека герцога послужила мощным подспорьем для духовного развития юного Фридриха. Ратцель учился в высшей технической школе Карлсруэ и в университетах Галле, Иены и Берлина, где поначалу изучал фармацевтику, но потом увлекся естественными науками (преимущественно зоологией). В конце 1860-х и первой половине 1870-х, после защиты диссертации по зоологии в 1868 году, совершил продолжительные путешествия во Францию, в Италию, в США, в Мексику и на Кубу в качестве научного корреспондента немецкой газеты «Kölnische Zeitung», что и пробудило в нем глубокий интерес к географии и этнографии. Написанные им статьи географической и страноведческой тематики были изданы в виде сборников «Путешествия натуралиста» (1873-74), «Города и культурные картинки Северной Америки» (1876) и др. С июля 1870 по март 1871 года находился на военной службе в прусской армии, записавшись добровольцем в рядовые 5 Баденского пехотного полка. Принимал участие в боевых действиях во время франко-прусской войны, был ранен и получил за храбрость Железный крест 2 степени; война оказала на Ратцеля тяжелое впечатление и ему нужно было время, чтобы прийти в себя после нее. 1875 год стал важнейшей вехой в биографии Ратцеля – научный корреспондент превратился в ученого и университетского преподавателя: в декабре этого года он прочел пробную лекцию в Высшей технической школе Мюнхена, а в 1876, представив габилюционную работу «Китайская эмиграция. К культурной и торговой географии», был избран экстраординарным профессором, а в 1880 – и ординарным профессором кафедры географии. В 1886 занял профессорскую кафедру в Лейпцигском университете. Здесь он снискал себе не только известность автора популярных и высоко ценимых научной общественностью трудов, но и завоевал славу умелого и популярного лектора; несмотря на тихий голос, его лекции, благодаря насыщенности мыслями, обладали большой притягательной для аудитории силой: если в первые годы в Лейпцигском университете его слушали 40-70 студентов, то в 1900 – более 300. Преподавательскую карьеру Ратцеля оборвала смерть, настигшая его 9 августа 1904 года.

В числе основных научных трудов Ратцеля следует назвать следующие произведения: «Антропогеография» (2 тт., 1882, 91), «Народоведение» (3 тт., 1885-88), «Политическая география» (1897), «Германия. Введение в изучение родины» (1898), «Земля и жизнь» (2 тт., 1901, 02). Ратцель как автор отличался большим трудолюбием и работоспособностью: из-под его пера вышло 25 книг и 518 статей.

Мышление Ратцеля в течение всего своего научного пути находилось под влиянием интеллектуальных импульсов, полученных от позитивистских идей О. Конта и Г. Спенсера. Кроме того, в самом начале научной карьеры Ратцеля, в годы учения и путешествий – с середины 60-х по середину 70-х годов – его мировоззрение находилось под серьезным влиянием эволюционного учения Ч. Дарвина и механистического материализма Э. Геккеля. С конца 1870 по конец 1890 гг. мышление Ратцеля отмечено воздействием идей немецких этнографа, этнопсихолога и географа А. Бастиана, географа, геофизика и математика С. Гюнтхера, зоолога и географа М. Вагнера (ему Ратцель посвятил свою «Антропогеографию») и немецкого географа К. Риттера. На рубеже веков мышление Ратцеля вновь совершило вираж – он стал более прохладно относиться к позитивистской методологии, в это время он оказался близок пантеизму в духе Дж. Бру-

но, Спинозы и Шеллинга, он был близок мистическому и символическому истолкованию физической географии, антропогеографии и политической географии. Ратцель писал, что цель его научной деятельности заключается в упразднении противоположности между естественнонаучным мировоззрением и христианской верой.

Первым большим зрелым трудом Ратцеля была двухтомная «Антропогеография». Первый том посвящен геополитике, второй – этнографии. Ратцель вводит и концептуализирует понятия географического положения, географического пространства, границ, побережий, островов, морей, рек, ойкумены как сферы расселения людей, плотности населения и других факторов, в своей совокупности составляющих географическую доминанту общественного процесса. Это и делает Ратцеля энергичным приверженцем доктрины географического материализма и, более того, первым наиболее последовательным географическим детерминистом. Эта традиция связана с именами Жана Бодена, Монтескье, Бокля, Мечникова и др. (сам Ратцель рассматривал в качестве своих предшественников Монтескье, Вольтера, Бюффона, Э. Циммермана, Гердера, К. Риттера и др.), но именно Ратцель развернул принцип географического понимания истории в систему объяснения общественных явлений. Вместе с тем, попытка географической интерпретации общества не могла быть вполне успешной, географический детерминизм Ратцеля не был доведен им до уровня монизма или монокаузализма – земля рассматривалась им как фактор детерминации государственных и политических явлений наряду с идеями, волей к власти и активностью творческих личностей, то есть позиция географического детерминизма или материализма у Ратцеля совмещалась в определенной мере с мультифакторным подходом. Необходимо отметить также, что географический материализм у Ратцеля сопровождался некоторой биологизацией; прежде всего это проявилось в уподоблении развития государств движению в живой природе (см. текст ниже).

Исходным пунктом взглядов Ратцеля была концепция передвижений народов, в чем сказалось влияние на него теории миграций М. Вагнера. Согласно Ратцелю, территория обитания народа никогда не совпадает с территорией, на которой он сформировался. Но все же у Ратцеля принцип подвижности народов преобразуется в положение о противоречивом единстве движения и оседлости народа. Разнообразные географические факторы, или «земля» (Boden), способствуют, препятствуют, ускоряют, замедляют, раздробляют или объединяют движущиеся людские массы. Ратцель отмечает, что если на ранних этапах истории человечества движениям препятствовала природа, то впоследствии – другие народы. Таким образом, антропогеография определяется как наука о движении народов. Помимо того, географическая среда формирует дух и тело людей, составляющих эти массы. В соответствии с этим Ратцель говорил, в частности, о народах побережий, островных народах, речных, горных и т.д. Согласно Ратцелю, некоторые народы самой природой осуждены на деградацию или исчезновение в силу непреодолимых препятствий для их динамичного существования: островные народы, народы, обитающие на узких полосках земли (например, финикийцы), народы, характеризующиеся очень низкой плотностью населения (например, индейцы Северной Америки, австралийские аборигены).

Этнографии было посвящено его большое произведение «Народоведение», а также множество других работ: «Место первобытных народов среди человечества» (1882), «Географическое распространение лука и стрел в Африке» (1887), «Африканские луки, их распространение и аналоги» (1891), «Географические методы в этнографии» (1897), «Происхождение арийцев в географическом свете» (1899) и др. Существо этнографической концепции Ратцеля вкратце заключалось в следующем. Человечество состоит из северной, включающей в себя белые и азиатско-монголоидные народы, и

южной, негроидной рас. Миграции народов привели к заселению человеком всей пригодной к обитанию поверхности земли. Адаптация народов к местным географическим условиям привела к еще большему этнорасовому разнообразию человечества. Собственно само «Народоведение» посвящено рассмотрению материальной и духовной культуры первобытных народов мира, их антропологии и психологии. Ратцель остался и здесь верным географической интерпретации общества. «Наше умственное и культурное развитие, все то, что мы называем прогрессом цивилизации, можно сравнить скорее с ростом растения, чем со свободным полетом птицы. Мы всегда остаемся связанными с землей, и ветвь может расти только из ствола. Как бы человечество не поднимало голову в эфирные области, ноги его все-таки касаются земли и прах вновь становится прахом»¹. По мысли Ратцеля, задача географии заключается не в том, чтобы исследовать человечество во всех его видоизменениях, а и в том, чтобы обнаружить взаимосвязь и переходы между народами и показать целостность человечества. Конец XIX - начало XX века были эпохой всеобщего увлечения территориальными захватами и колониальной политикой, это было время Сесилия Родса и Редьярда Киплинга и слов, произнесенных немецким кайзером Вильгельмом II в 1898 году при открытии верфи в Вильгельмсхафене: «Будущее Германии – на морях». Ратцель не остался чужд этому империалистическому духу времени. Он входил даже в правление Лейпцигской секции Германского колониального общества. Но Ратцель критически относился к расовым теориям Ж. Гобино и Х. Чемберлена, осознавая их опасность.

Но наиболее заметный след в истории науки Ратцель оставил, написав «Политическую географию». Эта работа выступила прямым продолжением «Антропогеографии», конкретизирующим применением ее принципов к рассмотрению сферы государства и политики. Здесь Ратцель также исходит из концепции подвижности народов, добавляя к сказанному в «Антропогеографии» рассмотрение внутренних (прогрессирующая дифференциация функций государства) и внешних (культурное состояние народов, экономика, войны, завоевания и т.д.) причин движения. Ратцель подробнейшим образом исследует политическое значение различных географических явлений – пространства, положения, границ, морей, рек, островов и т.д. Именно здесь им вводится ставшее впоследствии широко употребительным понятие политического пространства. По мысли современного немецкого исследователя его творчества Г. Буттмана, в этом труде Ратцель поднял политическую географию от уровня бессистемного нагромождения сведений из истории, географии, политической экономии и социологии и придал ей статус четко обрисованного раздела географии². Необходимо отметить, что политическую географию как особую дисциплину наметил немецкий географ Оскар Пешель, но ее самоопределение, выяснение границ ее предмета, определение ее метода, тщательная проработка ее понятийного аппарата связаны, безусловно, с именем Ратцеля. По своему предмету и методу политическая география идентична с родившейся и расцветшей в XX веке геополитикой. Название науки о взаимодействии политики и географии, данное Ратцелем, не прижилось и более удачным оказался именно термин «геополитика», предложенный последователем Ратцеля шведским ученым Р. Челленом в книге «Государство как форма жизни» (1916). От «Антропогеографии» путь к «Политической географии» очевиден; то, что политико-географические или геополитические идеи Ратцеля латентно содержались уже в «Антропогеографии», а также более систематический и фундаментальный характер «Политической географии» делают именно

¹ Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1904. Т. 1. С. 3.

² Buttman G. Friedrich Ratzel. Leben und Werk eines deutschen Geographen. Stuttgart, 1977. S. 89.

его в большей степени, чем А. Мэхэна или Х. Маккиндера³, создателем геополитики. Политическая география – это своего рода «Критика чистого разума» Ратцеля, точнее, его «Критика политического разума», поскольку в этой работе он совершил попытку отказаться от бытовавших до него представлений о субстанциальности деятельности субъектов политического действия, характерные для классической мысли Нового времени; равным образом, построения Ратцеля бросили вызов широко распространенному в его время марксизму, полагавшему сферу политики в качестве имеющей свою сущность вонне себя – в способе производства.

Последнее крупное произведение Ратцеля «Земля и жизнь» было посвящено преимущественно вопросам физической географии всего мира, в меньшей степени здесь затрагивались антропогеографические вопросы. Это, по определению исследователя его жизни и творчества Г. Буттмана, была его «*summa geographiae*».

Довольно долго отношение к идейному наследию Ратцеля среди мировой научной общественности, а особенно в СССР, было весьма критическим. Идеологической причиной тому было то, что на Ратцеля падала тень его последователя К. Хаусхофера, превратившего де-факто геополитику в средство обоснования завоевательных устремлений нацистской Германии⁴, хотя превращать Хаусхофера в апологета немецкого фашизма было бы неправильно. Таким образом, слава Ратцеля напоминала славу Ф. Ницше в определенный период отечественной истории, а геополитика была своего рода интеллектуальным изгоем. Теоретической причиной отвержения геополитики в СССР было характерное для марксизма социологизаторство, недооценка роли природных и географических, в частности, факторов в развитии общества, что марксизм унаследовал от европейской общественной мысли Нового времени от Гоббса до Гегеля и Конта. Поэтому и ценны рациональные зерна, щедро рассеянные в трудах геополитиков и в трудах ее основателя Ратцеля, в первую очередь. Разумеется, осваивая эти зерна, нельзя упускать из вида ограниченность основного принципа теории Ратцеля, заключающуюся в абсолютизации роли географического фактора в развитии общества. Но «Антропогеография» и «Политическая география» – произведения, принципиальные для понимания ратцелианства и его вклада в мировую общественную мысль, пока еще не переведены на русский язык.

³ Книга А. Мэхэна «The influence of sea power upon history: 1660-1783» впервые вышла в 1890 году, а книга Х. Маккиндера «The geographical pivot of history» в 1904.

⁴ Хаусхофер назвал день подписания Мюнхенского соглашения «счастливым днем в истории геополитики».

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ:

Сочинения:

1. Anthropogeographie. Bd. 1-2, Stuttgart, 1921.
2. Politische geographie. München, Berlin, 1923.
3. Земля и люди. В 2 тт. Спб., 1904-05.
4. Народоведение. В 3 тт. Спб., 1902.

Литература о Ф. Ратцеле:

1. *Buttman G.* Friedrich Ratzel. Leben und Werk eines deutschen Geographen. Stuttgart, 1977.
2. *Mikesell M.* Friedrich Ratzel // International encyclopedia of social sciences. Vol. 13. New York, 1968. P. 327-329.
3. *Steinmetzer J.* Die Anthropogeographie Friedrich Ratzels und ihre ideengeschichtliche Wurzeln // Bonner geographische Abhandlungen. 19:1-151. Bonn, 1956.

А.Б. Рахманов

Фридрих Ратцель

ГОСУДАРСТВО КАК ОСЕДЛЫЙ ОРГАНИЗМ⁵

1. Государство в географии и биогеографическое понимание государства⁶. Расселение людей и распространение их деяний (*Werke*) по земной поверхности обладает всеми признаками живого тела, которое расширяется и сжимается, совершая поступательные и обратные движения, образует новые и разрывает старые связи и, тем самым, принимает формы, которые имеют очень большое сходство с формами деятельности других общественных (*gesellig*) животных. В таких употребительных образах как «море народов», «течение народов», «остров народов», «политический остров», «перешеек народов», содержится догадка, более глубокое обоснование которой, конечно, едва ли мыслится теми, кто использует такие выражения.

Это сходство приобретает большее значение в биогеографии, где эти сопоставления перестают быть образами; для биогеографии существуют жизненные пространства, острова жизни и так далее, и для нее государство людей есть форма распространения жизни по поверхности земли (*Boden*). Оно подвержено тем же влияниям, что и все живое в целом. Особые законы расселения людей по земле определяют и распространение государств. Государства не возникают ни в полярных областях, ни в пустынях; и они остаются небольшими в слабо населенных областях тропиков, девственных лесов или на высокогорьях. Государства постепенно распространились вместе с людьми по всей территории земли, и вместе с ростом численности людей неизменно росло и число государств, а также их размеры. Беспрестанные изменения внутри и вне государств свидетельствуют именно о присущей им жизни. В границах, которые научно нельзя понять иначе, как рассмотрев их в качестве выражения как неорганического, так и органического движения, также как и в элементарных государственных образованиях, которые бросаются в глаза своим сходством с клеточной тканью: повсюду обнаруживается сходство форм со всеми сложными жизнеобразованиями, которые функционируют благодаря своей связи с землей. И для всех них, будь то лишайники, будь то кораллы или человек, эта связь является всеобъемлющим свойством, свойством жизни, и поэтому она представляет собой условие жизни.

Земля благоприятствует или препятствует росту государств, так же как она благоприятствует или препятствует движению отдельных людей или семей; поэтому – столь значительно влияние движущейся воды на развитие государств, которое происходит преимущественно вдоль берегов и рек и лучше всего там, где, как в бассейнах больших рек, природа сама подготовила систему коммуникации (*Verkehrsystem*). Различия между государствами, расположенными на краю ойкумены, и государствами, расположенными в областях наиболее сильного процветания (*Gedeihen*) народов, расположенных далеко от этих границ, соответствуют географическому распределению людей таким образом, что численность людей от центра к границам ойкумены уменьшается, причем свободная земля занимает все большую площадь; поэтому государства на краю ойкумены всегда характеризуются избытком земли при недостаточной численности населения, что присуще также и высокогорным государствам. Всомогущество

⁵ Перевод сделан по изданию: *F. Ratzel. Die politische Geographie. 3 Auflage. München, Berlin, 1923. S. 2-16.* Фрагмент представляет собой первую главу произведения, приведенную с самыми незначительными сокращениями.

Опубликовано в: *Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 1-2 (15-16). С. 211-229.*

⁶ Здесь и далее разрядка Ф. Ратцеля, ему принадлежит также и мелкий шрифт в тексте фрагмента – *примечание переводчика.*

земли показывает преодоление трудностей коммуникации (Verkehr) в Швеции и в России, как и в Сибири, и в британской Северной Америке ценою больших жертв. Чем больше мы приближаемся к экватору, тем в большей степени и во все более ограниченном пространстве развиваются большие державы и тем политически ценнее земля, обладание которой в арктических и антарктических областях, если о нем вообще можно говорить, едва ли может иметь какое-либо политическое значение. Самые большие и могущественные государства возникли в умеренных климатических поясах земли, в широких низинах, вблизи моря.

2. Каждое государство является частью человечества и частью земли. Человек немислим без земли, и это же характерно для самого великого творения человека – государства. Если мы ведем речь о государстве, мы всегда считаем его, совсем как город или дорогу, частью человечества или человеческим творением и одновременно частью земной поверхности. Государство должно жить землей. Оно владеет только теми благами (Vorteile), которые связаны с принадлежащей ему землей. Наука о государстве высказывает нечто более бледное, когда она утверждает, что территория относится к сущности государства; она оценивает суверенитет как право на территорию и отстаивает принцип, согласно которому территориальные изменения можно осуществлять только посредством законов. Но жизнь государств знакомит нас с более тесными отношениями: мы видим, что в ходе истории все политические силы овладевают землей и тем самым становятся государствообразующими (staatsbildend). Народом, в соответствии с этим, я называю политически единую группу групп и отдельных людей, которая коренится не в языковой общности и не в родстве происхождения, а объединена общей землей.

Сословия и общества, торговля и религия черпают из этого источника политической власти и долговечности (Dauernhaftigkeit) и, тем самым, становятся государствообразующими. В нашем веке к этому стремятся национальные идеи. Многие полагают, что когда говорится о национальной политике, о политике, проникнутой пониманием ценности земли, то реализуется мышление в национальном духе, а не в территориальном. В формуле «немцы чувствовали потребность создать политическую форму для своей общности» заключен следующий политико-географический смысл: немцы стремились к территориальному воссоединению и разграничению, чтобы утвердить свое существование на закрепленной за ними, и, насколько возможно, большей собственной земле.

3. Так возникает процесс политической организации (Organisierung) земли, благодаря которой государство становится организмом, на который определенная часть земной поверхности влияет таким образом, что характеристики государства слагаются из характеристик народа и земли. Важнейшие из них – это величина, положение и границы, далее род и форма земли вместе с ее растительностью и ее водоемами, и, наконец, ее отношение к другим частям земной поверхности. К этим частям мы причисляем, прежде всего, выступающие в качестве границ моря и также даже ненаселенные (не ойкуменические) области, которым, на первый взгляд, даже не присуще быть связанными с политическими интересами. Все это в совокупности и составляет «страну». Но если мы говорим о нашей «стране», то в нашем представлении с ее природной основой соединяется все то, что здесь создал человек. Чисто географическое понятие не просто наполняется политическим содержанием, а, более того, речь идет о духовной и нравственной связи с нами, с жителями этой территории и со всей нашей историей.

Государство для нас является организмом не только потому, что оно является связью движущегося народа с неподвижной землей, а в силу того, что эта связь благодаря их взаимодействию укрепляется настолько, что народ и земля становятся единым

целым и не могут более мыслиться отдельно друг от друга, не лишаясь жизни. И земля, и народ вкладывают в этот результат свою лепту в той мере, в которой они обладают свойствами, являющимися необходимыми плодами их взаимовлияния. Ненаселенная земля не питает никакого государства, она является землей под паром истории. Населенная земля, напротив, благоприятствует развитию государств, особенно если она естественным образом окаймляет их. Если народ, таким образом, естественно укоренен (*begründet*) в своей территории, то он всегда будет возрождаться, обладая теми качествами, которые вошли и продолжают входить из его земли в его плоть и кровь: древние и современные греки были и являются моряками и купцами, жителями островов и побережий, швейцарцы XIX века, живя в маленьких государствах, также любили свободу, как и их предки в XIV веке. Часто истинное значение той или иной территории устанавливается лишь при обратном движении исторической волны, как это было с Грецией и Италией, которые на своих территориях отказались от попыток достижения мирового господства и обратились к более ограниченному и более органичному развитию. Политические проекты часто терпели крушение, но их духовные семена усеивали землю и всходили впоследствии: греческое влияние на Востоке, проявлявшееся и до Александра в духовной жизни и хозяйстве, таким же образом увеличилось после политического краха державы Александра в форме эллинизма. Чувство связи с землей никогда не было столь сильно, как там, где земля имеет четкие границы, обозрима и легко подчиняется власти и поддается обработке, следовательно, прежде всего, в островных странах, жителям которых присуще сильнейшее и максимально осознающее свою землю национальное чувство. Так и развитие каждого государства является прогрессирующим процессом организации земли, развивающимся благодаря растущей связи с народом. Если в пределах одного и того же пространства увеличивается численность народа, то возрастают и связи, соединяющие народ и землю, природные ресурсы используются во все большей степени и, тем самым, увеличивают мощь народа, который в той же мере становится все более зависимым от своей земли, зависимым вплоть до оцепенения (*Erstarrung*), если земля изолируется и блокируется, как то было в случае нижнего Египта. Чем больше земля, тем, напротив, слабее с ней связь ее народа. Различие между государством, созданным культурным народом, и государством, созданным варварским народом, заключается именно в том, что организация земли проделала намного большее развитие в первом случае в намного большей степени, чем во втором.

Всякое изображение развития государства, которое отвлекается от рассмотрения земли, обречено на неполноценность. Это характерно и для классификации различных типов государств. Фиркандт, например, выделяет у первобытных народов зародыши государств при анархическом состоянии, военные государства и государства завоевателей, аристократические государства; верно то, что в этом ряду нужно признать «возрастающее проявление устойчивых форм, которые ограничивают личность, удерживая ее в определенных прочных рамках», что составляет сущность развития культуры вообще. Но то, что в немногих развитых государствах оценивается как «бесструктурность», заключается не просто в отсутствии постоянной армии, корпуса чиновников и упорядоченной налоговой системы, а связано с рядом географических особенностей, в особенности с редким и неравномерно расселенным населением, его слабой связью с землей, неопределенностью границ и недостатком путей коммуникации.

4. Если мы нарисуем карту негритянского государства, то она примет вид простой картины элементарного организма: деревня вождя находится в центре, кругом деревушки с садами и участками обрабатываемых земель, далее дикая приграничная зона, через которую одна или две тропы ведут на соседние территории. Какое отличие от насыщенной карты какого-нибудь даже совсем незначительного европейского государ-

ства с его маленькими и большими поселениями, приграничными городами и столицами, крепостями, сетью дорог, каналов и железнодорожных путей!

И все же эта карта является только схемой живого тела, и она даже ничего и не говорит о политической идее, которая его одухотворяет. Но развивается и эта идея. В первом, примитивном, государстве эта идея, правда, является только волей властителя и так же преходяща, как и человеческая жизнь, а во втором, культурном, государстве ее носителем является весь народ. Тем самым душа народа непрерывно обновляет свою жизнь в соответствии с тем, что поколения сменяют друг друга. Самыми могущественными являются государства, в которых политическая идея пронизывает все государственное тело вплоть до отдельных его частей. Части, которые не наполнены этой идеей, душой, отпадают, и тогда две души разрывают связь (*Zusammenhang*) политического тела.

Политику некогда охарактеризовали как душу государства или как его духовную индивидуальность. Это отнюдь не исчерпывает всю суть дела. В швейцарской идее, которая создала Швейцарию из очень разных фрагментов народов и государств, дано гораздо большее, чем, например, просто политика Швейцарской конфедерации. В ней заключается совокупное отношение швейцарцев к своей стране; и из географических оснований непосредственно проистекает большая часть силы, при помощи которой политическая идея оживляет как сильную душу, так и слабое тело.

На историю народа, которому удалось в течение столетий сохранять свое государство на все той же земле, эта неизменная основа накладывает настолько глубокую печать, что не представляется возможным этот народ мыслить без его земли. Разве мыслимы голландцы без Голландии, швейцарцы без Альп, черногорцы без Черных гор и даже французы без Франции? Афиняне в их маленькой, известной вплоть до последнего угла, политически увеличиваемой в течение столетий стране смогли, вероятно, понять мысль (*Satz*) Платона, что человек и государство отличаются друг от друга только размерами. Но и в становлении Италии как единого государства и даже в кровопролитной защите целостности территории Соединенных Штатов Америки заключено нечто, соответствующее природе, проистекающее из представления, согласно которому только эта земля способна быть основой единого, целостного государства и что единое государство должно быть основано на единой земле. И из развалин священных мест всегда веяло выросшими здесь некогда идеями подобно тому, как вода пробивается из родника. Хотя Иерусалим и Рим, Ласса и Мекка поседели от веков (*sind gealtert*), но все же их значение в этом отношении остается непреходящим.

В политической идее, следовательно, всегда присутствует не только народ, но также и его территория (*Land*). Поэтому на одной земле может вырасти, вобрав в себя всю ее политическую сущность, только одна политическая сила (*Macht*). Установление суверенитета одного государства над землей другого уничтожает самостоятельность последнего. То, что одна держава берет из этой земли, вторая должна потерять. Это не то, что рост дуба, под кроной которого растет еще подлесок и трава. Государство не может, не ослабев, терпеть существование второго и третьего государств на своей земле.

Поэтому в старой Германской империи распад произошел в то мгновение, когда имперские чиновники преобразовали свои владения (*Güter*) в отдельные государства в рамках империи. В силу того, что они присвоили себе или сделали наследственной свою власть над доверенной им землей или землей-феодом (*Erbgutes*), то есть упрочили свою власть над ними, империя потеряла эту землю. Это был распад, который опосредствовал (*einschob*) отношения между империей и ее землей возникновением новых гос-

ударств; эти новые государства для того, чтобы пустить свои корни, способствовали тому, чтобы империя, старый дуб потерял, наконец, свою связь с землей.

Чем проще и непосредственнее связь государства со своей землей, тем здоровее его жизнь и рост. Это предполагает, прежде всего, и необходимость того, чтобы, по крайней мере, большая часть населения государства сохраняла связь со своей землей ввиду того, что она является также и его землей; в этом заключается значение народного хозяйства для государства.

Фридрих Лист первым среди политэкономов осознал экономическое и политическое значение территории (Landgebiet), на которой живет народ. Когда он предложил свою систему, народное хозяйство находилось под влиянием учения Адама Смита, которое понималось как «система частной экономии всех индивидов страны»; он противопоставил ему свое учение о том, как данная нация при определенном мировом положении и при своих специфических условиях могла бы упрочить или улучшить свое экономическое положение⁷. Он ни в коем случае не отвергал с порога возможность более высокоразвитого хозяйства, которое охватывало бы собой все человечество. Но для определенного времени национальное хозяйство у него рассматривалось как необходимый переход от индивидуального хозяйства к космополитическому. Только между одинаково сильными народами, при равных условиях, возможен свободный обмен, но для достижения этого равенства необходимы в качестве средства стимуляции запретительные пошлины. Примечательно, что он пришел к такому взгляду благодаря растущему и всегда осознающему свои жизненные условия народу, а именно в Соединенных Штатах Америки. Когда Лист был в Америке, здесь запретительные пошлины назывались «американской системой» и в этой стране уже пришли к осознанию того, что запретительные пошлины увеличивают не только богатство, но и – при определенных обстоятельствах – также и могущество (Macht) народа.

5. Разве смогла бы история государства в той же мере быть наставником для его политики, если бы не существовало непрерывности земли? Свойства земли проявляются одинаково, когда народ претерпевает самые различные трансформации, и всегда выступают как нечто тождественное. Земля в любом случае намного более древнее, чем государство, расположенное на ней, и будет существовать в течение намного большего времени, чем суждено ему. Поэтому взгляд, который переходит от переменчивых состояний народа к земле, становится панорамным, обращается к перспективе. Аппенинский полуостров не мог бы больше оставаться центром мирового государства и не мог быть населен все той же расой, создающей государства (derselben staatenbildenden Rassen); и все же при всех переменах он остается одной из важнейших территорий мира. Политическая география отличается от истории именно тем, что нацелена на становящееся благодаря подчеркиванию того неизменного и несокрушимого, что присуще земле. Политика, которая в силу знания наиболее отдаленных целей государства обеспечивает возрастающему в численности народу землю, необходимую для его будущего, является подлинной и соответствующей своему понятию «Realpolitik», ибо она день ото дня занимается только достижимым.

6. Границы организма в государстве. Среди животных и растений самым совершенным является тот организм, части которого могут идти на наибольшие жертвы ради целого. Если подходить с этой меркой, то государство людей является в высшей степени несовершенным организмом, потому что его части сохраняют свою самостоятельность, что не характерно уже для низших растений и животных. Существуют водоросли и губки, которые как организованные существа стоят столь же высоко, как и госу-

⁷ Национальная система политической экономии. 1841. S.187.

дарства людей. Но это несовершенное в качестве организма объединение людей, которое мы называем государством, на столь могущественные и уникальные достижения делает способным то, что оно является духовным и нравственным организмом. Духовная связь соединяет физически разделенное, и никакое биологическое явление с этим несопоставимо. То, что в духовном отношении ведет государство-организм и руководит им, и возвышает его над миром других организмов. Если мы посмотрим на развитие государства, то оно будет заключаться в первоначальном укоренении на общей земле благодаря труду отдельного человека и общества, и далее – в образовании духовной связи всех жителей со своей землей во имя достижения общих целей. В маленьком, состоящем из деревень африканском государстве, которое существует благодаря возделыванию и защите едва достаточной для него земли, за пределы которой оно не выходит без внешних толчков, возможен, практически, только простой органический рост; но благодаря влиянию оснащенного волшебными силами или экспансивной энергией вождю или благодаря активной торговой деятельности жителей этого государства, духовные силы во все более возрастающей степени приходят в движение. Чем более развито государство, тем в большей степени его совокупное развитие выходит за пределы его органической основы, и, следовательно, простое сравнение государства с организмом более применимо к примитивным, чем к развитым государствам.

Некогда уже было обнаружено, что государство как организм в сопоставлении с другими организмами является в высшей степени несовершенным и что лишь духовные и нравственные силы, которые управляют им, снимают это несовершенство, далее же критика будет направлена не на познание организма в государстве в себе и для себя, а на пределы организма в государстве. Кэри раньше всех пришел к пониманию того, что совершенство государства как такового тесно связано с его несовершенством в качестве организма. Для него притягательная сила локальных центров является важным условием здоровья государства. «То, что действует децентрализирующе», то, что благоприятствует организации местного применения времени и талантов, – придает ценность земле, содействует ее разделению и помогает членам семей поддерживать более тесные контакты». Выражение «организм» для Шеффле является, правда, относительно более приемлемым по сравнению с другими образными характеристиками государства; но все же оно не может, на его взгляд, стать опорным пунктом учения о государстве. Теперь ему будет дано право говорить, что государство есть явление не органической жизни, а отличной от нее социальной жизни, и, что, конечно же, определение «организм» не исчерпывает всей сущности государства. Но, как не значило бы отрицать божественную сущность человека тем, что мы говорим, что человек есть органическое существо, так и с характеристикой государства как организма не исключается и то, что государство является нравственным организмом. Этот образ несколько не препятствует

тому, чтобы способствовать возникновению представления, что означало бы выведение высшего из низшего⁸.

Сравнение государства с высокоразвитыми организмами непродуктивно; если столь многие попытки научно рассмотреть государство как организм были малоэффективны, то главная причина этого заключается в ограниченности рассмотрения аналогии между человеческой общностью (Aggregate) и строением органического существа. Бросающееся в глаза отличие между государством и органической сущностью непосредственно заключено в структурных отношениях, которые всегда и сравниваются. В государстве человек, самое индивидуальнейшее порождение, которое не жертвует ни волокна, ни клетки своего существа целому, в состав которого он входит, имеет возможность в каждое мгновение отделиться от него в качестве самостоятельного существа; напротив, в организации животного сообщества происходит подчинение части целому, которое отнимает у части его самостоятельность, преобразуя ее в интересах целого. Самое совершенное животное демонстрирует элементы, из которых оно состоит, как находящиеся в самой большой – насколько это только можно помыслить – зависимости и несамостоятельности. Даже в животных сообществах (Tierstaaten) мы встречаем это превращение первоначально одинаковых элементов в сильно отличающиеся друг от друга орудия⁹. Для самого совершенного государства людей, напротив, характерно то,

⁸ Carey. «The Unity of Law», 1873. S. 84; Зависимость Кэри от Листа требует выяснения именно в отношении его политико-географических идей. – Альберт Шеффле («Bau und Leben des sozialen Körpers»). 1881. IV. S. 217 и далее). Герберт Спенсер дает в «Principles of Sociology» (1893. I. S. 435-590) только пустые леса дефиниций. Повисла в воздухе и дефиниция, данная Паульсеном государству в «Этике» (1894): форма объединения населения, связанного общим происхождением или исторической общностью. В намного большей степени влиянием земли проникнуто все же объяснение, которое, впрочем, в другом отношении является слишком узким: нация – это значительная часть земной поверхности, населенной людьми, которые говорят на одном и том же языке и управляются одним и тем же правительством. Из богатой старой литературы я хочу здесь подчеркнуть только главу «О понятии организма и его применении к обществу» из книги Хельда «Государство и общество» (1861. S. 575-597) и критические замечания, а также подборку литературы из книги А. ван Крикенса «О так называемой органической теории государства» (Лейпциг, 1873). Обзор учений о государстве как организме содержится в речи Оскара Хертвига «Учение об организме и его отношении к социальной науке» (Иена, 1899), особенно в примечании к 30 странице, где он рассмотрел законы разделения труда и интеграции как биологические и социологические одновременно. В трудности, связанные с проведением этих параллелей, Хертвиг, тем временем, не входит и даже не касается такого подлинного проявления жизни в государственном организме как оседлость. В целом, государственный организм рассматривался биологами только между прочим, о чем и нужно сожалеть, так как они обладают более основательным, по сравнению с государствоведами, знанием животных или растительных организмов. Это происходит, очевидно, потому, что для них понимание государства как организма никогда не было настоящей научной гипотезой, а выступало только как попытка объяснения. Поучительная иллюстрация последствий слишком далеко зашедшего разделения труда в науке!

⁹ Я имею в виду особенно ясное определение понятий и сжатое изображение предмета в учебнике зоологии, написанном Рихардом Хертвигом (1892. S. 128), где государство рассматривается в разделе «Отношения животных друг к другу: 1. Отношение между индивидами одного рода». Проблема формирования государств обсуждается после изучения проблемы образования ульев. Представление, данное Спенсером о животных сообществах во вводной главе своих «Principles of sociology» под названием «Super-organic evolution», страдает от категоричного подчеркивания различий между органическим и неорганическим типами развития, в котором заключено бросающееся в глаза противоречие с определением государства как организма. Летурно в своей большой книге «L'Evolution politique dans les diverses races humaines» (1890),

что его граждане развивают свободнее всего свою самостоятельность на службе государству.

Можно было бы подумать, что в рабовладельческих государствах с разным в расовом отношении населением обнаруживается приближение к сообществам животных с разделением функций, так как в них будто бы высшая раса заставила работать на себя мнимо низшую расу. Но рабство теперь отменено во всех странах, где наиболее отличные друг от друга расы – белая и черная – структурировались (*geschichtet hatten*) подобным образом. И даже если освобожденные черные всегда располагались на социальной лестнице ниже, чем их белые сограждане, то в любом случае это не говорило о глубоком разделении рас в соответствии с функциями, выполняемыми им в социальном организме, и в еще меньшей степени – об их прогрессирующем обособляющемся развитии как носителей этих функций. В этом случае человек вернул себе свое независимое от меры дарований право индивидуума, которое у него никто никогда не смог бы отнять.

7. Материально связующим в государстве является только земля, и это порождает сильное стремление основать на ней, прежде всего, политическую организацию для того, чтобы она могла бы подтолкнуть разделенных людей к объединению. Чем больше возможность распада, тем земля, конечно, становится важнее, будучи как связующей основой государства, так и единственным осязаемым и неуничтожимым свидетельством его единства.

Его размеры и форма, то есть то, как оно определено своими границами, протекают, конечно, не из этой основы, а вносятся в нее, но их нельзя изначально понять без рассмотрения влияния земли. Религиозные и национальные мотивы, исторические воспоминания и, не в последнюю очередь – могущественная воля отдельной личности – создают государства. Ведущие мысли овладевают духом и управляют волей всех лю-

правда, также дает изображение животных сообществ в качестве введения, но не для того, чтобы яснее познать сущность государства, а для того, чтобы связать их с политическими учреждениями примитивных народов; из такого неорганичного полагания связи, конечно, проистекает нечто противоположное прояснению сути дела. Специалистов по географии растений нельзя упрекнуть в подобном недостаточном внимании к земле, которое делает несовершенными перечисленные взгляды. Растение все же намного теснее связано с землей, чем животное или человек. Но в царстве растений и подчинение отдельного индивидуума целому проявляется реже и меньше. Поэтому о сообществе растений обычно говорят не в том же смысле, что и о сообществе животных. Каждое растение ведет борьбу за место обитания с себе подобными. Но все же и здесь поначалу существуют объединения в соответствии с общностью мест обитания, потом в силу зависимости членов сообщества друг от друга. Так, деревья в лесу защищаются сообща и создают для себя и других растений и животных общую почву, предоставляя им защиту и тень, и тем самым способствуют и своему собственному росту и обновлению. Как народ, создавая государства в окружении самых различных народов, создает эти государства одинаковыми, так и лесное сообщество со своими подлеском и живущими в тени растениями, повсюду является одним и тем же. В подобной общности на пользу всего сообщества в целом заключены элементы разделения труда, кроме того, существует безусловная зависимость паразитов и эпифитов от своих хозяев. То, что связь государств оседлых народов с их землей, которая неизменно становится глубокой (*innig*) и ведет к очень сильному изменению земли, напоминая отношение растений к своему месту обитания, позволяет предстать аналогии между государствами людей и сообществами растений как в меньшей степени неадекватному. По поводу отношений сообществ растений к насаждениям леса, формам жизни, форм и формаций вегетации, сравни: «*Handbuch der Pflanzengeographie*» Друде (1890. S. 215) и «*Lehrbuch der ökologischen Pflanzengeographie*» Варминга (1896). Я обязан Друду за письменное объяснение соответствующих вопросов, которые для меня были очень важны.

дей определенной территории; и если этих мыслей достаточно много, то достаточно много и государства. Но и после того, как оно однажды очертило свои границы, процессы их округления, расширения, обмена на этих границах точно таковы же, как и на периферии сложных организмов. И так происходит потому, что во всех жизненных проявлениях государства активно проявляется его духовная связь с его телесной основой. Организм, тем самым, проявляется в государстве, так же как и оно является духовной общностью. Развитие различных государств, характеризующееся противоположностью между мировоззрением, возникающим на небольших территориях, и мировоззрением, формирующимся на больших территориях, показывает то, что земля влияет на дух (*Geistige*) государства.

Умная политика будет стремиться к тому, чтобы не дать этническим, или социальным, или экономическим противоположностям стать географическими, чтобы не придать им силу, которая могла бы достичь опасного масштаба в опоре на землю. Территориальное конституирование (*Auseinanderlegung*) политических противоположностей в недавно возникшем союзе севера и юга является преждевременным и по праву признавалось как угроза для внутренней связи целого¹⁰.

8. Духовная связь с землей заключается в унаследованной привычке к совместному проживанию, к совместной работе и в потребности защиты против внешней опасности. Последнее расширяется до уровня национального сознания, которое соединяет миллионы людей; из совместной работы вырастают объединяющие частные экономические интересы государств; и потребности в защите дает властителю (*Herrscher*) власть, позволяющую принудить к объединению всех жителей государства. Земля является не просто местом деятельности и предметом совместного труда, она, более того, порождает плоды этого труда, которые существенно зависят от ее плодородия и протяженности. Далее привычка к совместному проживанию связывает не только людей, составляющих народ, друг с другом, но также и с землей, в которой погребены останки ушедших поколений. В связи с этим развивается религиозное отношение к священным местам, которое часто создает намного более сильные связи с землей, чем простая привычка к совместной жизни. А потребность в защите окружает страну устойчивыми границами и строит опорные пункты, ближайшей задачей которых является удержание земли, к которой они принадлежат и сами. Эта связь имеет больше оснований в земле, чем это позволяет предположить обычно неясная терминология, используемая в исторических описаниях. Из двух «стремлений (*Trieben*)», которые историки рассматривали как присущие для души греческого народа и предопределившие его историю, «стремление идти вперед, строить города, основывать города и постоянно разделяться на многочисленные поселения и развиваться после этого в данных поселениях», и далее, «другое стремление укреплять общее для своей национальности и чувствовать себя по отношению к иностранцам единым народом»¹¹, первое можно объяснить только географическим положением. Это, следовательно, не внутреннее стремление, а следствие внешнего влияния и внешних впечатлений. Основание для второй склонности мы ищем в замкнутости областей, в которых протекало развитие греческого народа, что наряду с его городским характером усиливало чувство взаимосвязи. Там, где в противоположность этому говорится о «стремлении создавать государства», которое не было укоренено в душе (*Gemüt*) финикийцев в такой мере, как оно повсюду встречается у индо-

¹⁰ Вероятно, речь идет о провозглашенной в 1871 году единой Германской империи. – Прим. переводчика.

¹¹ *Curtius. Griechische Geschichte. 1887. I. S.475*

германцев¹², речь идет о принципиально различном отношении к земле у аграрных и торговых обществ.

9. Исходными элементами государственного организма являются общественные группы; отдельные люди имеют значение для государства только в исключительных случаях; мы редко обнаруживаем отдельных людей среди владельцев и использующих земли государства¹³. В большинстве случаев это семьи и более крупные группы родственников, сельские общины, группы переселенцев, мужские союзы, военные организации, торговые сообщества, религиозные объединения, которые под эгидой государства и ради него берут землю, обрабатывают ее и владеют ею. Самой важной из всех этих групп является семья, естественное соединение мужчины, женщины и детей, которая является моно- или полигамной, и которая, расширившись благодаря включению дедушек, бабушек и дядьев и свойственников, и вплоть до включения рабов, организуется в соответствии с женским или мужским правом; она расселяется на обширной территории, при всех изменениях сохраняя свои основные качества так, что в этой семье, в себе непрерывной, происходит обновление поколений, откуда исходит первая возможность аккумулировать знания и опыт следующих друг за другом поколений и не только обновлять носителей этих знаний и опыта, но и увеличивать их. Для развития народа и, тем самым, государства, жизненно важным вопросом является обеспечение его воспроизводства в семейных очагах. Только в исключительных случаях мы находим народы, которые поддерживают свое существование без естественного воспроизводства благодаря захвату или покупке детей. Дшагга, народ, который некогда потряс своими завоеваниями Внутреннюю Африку, убивал своих детей и принимал в свои ряды детей из числа рабов, а жители побережий Сан-Кристовале хоронили своих новорожденных живыми и покупали детей у бушменов из Внутренней Африки.

Для семьи, которая на низших ступенях развития, прежде всего, основывается главным образом на любви между полами и любви к детям, объединения мужчин повсюду представляются той стороной, которая обладает весьма привлекательной природой, поскольку они проистекают в первую очередь из общественного инстинкта. Если происходящие отсюда мужские союзы¹⁴ нельзя даже сравнить с семьями в отношении их значения для внутренней естественной жизни народа, то они все же очень важны для становления и развития государства, способствуют ли они социальному и политическому разделению труда, осуществляя обособление в возрастных объединениях, которые особенно становятся политически важными в качестве охотничьих и военных союзов лиц, способных к ношению оружия, воинственных и экспансивных молодых мужчин и в объединениях консервативных и мудрых старцев, которые руководят народом и управляют государством; создают ли они в своих мужских объединениях общественные, политические и также зачастую религиозные центры, культивируя и переда-

¹² *Mommsen. Römische Geschichte. 1881. I. S.310*

¹³ Государство Аристотеля охватывает частную жизнь групп и отдельных личностей, но не народов, и облагораживает ее; это соответствует действительности, показывающее использование государством групп и отдельных людей, которому они служат неосознанно. Государство Платона, которое снимает их, является фантазией и в этом отношении.

¹⁴ Социальное значение групп в противоположность социальному значению индивидуумов разъяснил Гумплович в 1885 г. в своих «Основаниях социологии»; сравни также его же работу «Индивидуум, группа и доисторический мир» в социологических эссе 1899 года. Самым большим вкладом в развитии нашего знания об этих группах была очень важная книга Генриха Шуртца «Возрастные объединения и мужские союзы. Рассмотрение основных форм общества» (1902), которую можно было бы характеризовать как первую естественную историю общественных форм, развивающихся вне семьи.

вая посредством мужских и тайных союзов хорошие или плохие традиции, или благодаря своим странствиям и другим видам содействия коммуникации создают «род мужских союзов, объединяющий народ» (Генрих Шуртц), что противодействует расщепляющим, разъединяющим тенденциям, связанным с семьей. Но, конечно, мужские союзы из-за подрыва семейной жизни нередко могли повредить естественному росту народа.

Естественное соответствие индивидуумов, становящееся значимым вопреки всем различиям их домашних хозяйств и их социальных групп, нивелирует все эти частности и приводит к возникновению одинаковых образований из всего этого разделения и всех этих превращений, поскольку люди всегда перемещаются из одной части страны в другую и обмениваются деяниями, свершенными для государства.

10. Образование органов государства необходимо ограничено. Организм отличается от агрегата разделением труда, которое и создает разнообразные специфичные органы. Своеобразие государственного организма заключается в том, что он может преобразовывать свои элементы в более узком масштабе. У него, более того, в различии его земли и пространственном распределении его населения по этой земле заключены важнейшие причины образования органов. Потому нам всегда бросаются в глаза большие различия между окраинными и центральными провинциями, между побережьями и внутренними территориями, между горными и равнинными областями, между городами и сельской местностью, между густо- и редконаселенными территориями государства. Очень многие исторические различия во внутренней жизни государства основываются на этих географических предпосылках. Историческая противоположность старых и новых штатов в североамериканском Союзе есть одновременно противоположность между атлантическими и тихоокеанскими, восточными и западными, влажными и засушливыми, густонаселенными и редконаселенными территориями. Мы видели, что для понимания значения внутренних различий народов и государств их нужно объяснить географически.

11. Одни части организма связаны с жизнью целого сильнее, чем другие, и всегда существуют жизненно важные (*vitalen*) и географически наиболее значимые части государств. Чтобы понять их политическое значение, нужно знать их место в организме. Каждое государство имеет провинции или области, потеря которых ведет его к гибели, и, вместе с тем, такие, которых можно было бы лишиться без серьезной опасности. Такими жизненно важными частями являются, прежде всего, те, по которым проходят артерии (*Lebensfäden*) коммуникации. Большая страна не может потерять своих морских побережий или своих выходов к морю. Связанные с морем низовья рек ничем не заменимы, речные пути же среднего течения рек могут быть заменены железными дорогами только в случае крайней нужды. Ценность первых растет с прогрессом культуры, вторые же со временем могут вовсе потерять свое значение.

Оттесненная от Дуная, Сербия понесла бы непоправимые потери; поэтому она так цепко держится за Белград. Швейцария немислима без своих границ, образуемых Альпами с трех сторон, в то время как распространение ее северной гористой части за Рейн или включение больших или меньших частей Юры совершенно не является для нее существенным. Таврия со своей солью и рыбными промыслами, кожами и шерстью своих земель, этот заполненный товарами и движением уголок пустынной, широкой и бездорожной страны, могла бы характеризоваться как в высшей степени индивидуализированный орган с интенсивной жизнью.

Значение части государства для целого определяется ее географическим отношением к организму в целом. Географические элементы страны, которые соответствуют ее важнейшей особенности, имеют наибольшее значение, потому что они дополня-

ют совокупность уже наличных достоинств. Для Пиренейского полуострова Пиренеи имеют особое значение, потому что они поднимают этот полуостров почти до уровня острова. В древности на Аппенинском полуострове подобную же важную функцию выполняла река По, а в новое время – Альпы; они также увеличили преимущества этого полуострова. Отвесные берега, удобные гавани увеличивают достоинства, характерные для острова и потому увеличивают политическую силу островных государств; для преимущественно континентальных стран они значат гораздо меньше. Если такие области присоединяются к государству, то зачастую возникает неожиданно сильный рост их политического значения. Напротив, было бы роковым разделение или отделение того, что самой природой предназначено быть в единстве.

Практическое последствие органического подхода заключается в осуждении механического разделения территории, которое относится к политическому телу как к трупу убитого животного, из которого, поскольку это животное больше не будет жить, части вырезаются, невзирая на то, откуда они взяты и насколько велики. Так, можно сказать об Англии, что отделение ею речной системы Нигер-Бенюэ вплоть до Сэя и Йолы изуродовало весь западный Судан и, прежде всего, сделало невозможным здоровый, то есть органический рост немецких и французских колоний на Золотом и Рабском побережье; и те, и другие имели полное право требовать своего распространения на судоходные реки Нигер и Бенюэ, как Германия приобрела право на великие озера Восточной Африки – Замбези и Чад.

12. Экономические области приближаются к уровню органов (*Organhaften*). Политический труд одного государства на его территории никогда не был настолько различным, чтобы благодаря нему могли бы возникнуть органы; но труд в экономике зависит от климата и своеобразия земли, что и делает экономическое и политическое значение провинций страны глубоко различным. Когда государству нужна одна провинция из-за своего богатства хлебом, другая – из-за богатства древесиной, и третья – из-за богатства серебром, и поэтому оно присоединяет их, то они фактически становятся в экономическом организме страны его органами. Поскольку экономический организм государства имеет такую природу, что его территории обнаруживают свое значение в принадлежности к нему, то связь целостности становится еще прочнее. Если государство теряет что-либо из своих территорий, то целостность становится однообразной и проигрывает. Положение Египта в Римской империи являло собой выразительнейший пример территории, полностью сведенной до уровня органа.

Англия в настоящее время собирается преобразовать Египет в важный, с точки зрения политических и иных коммуникаций, орган своей всемирной империи.

13. В самой земле заключены необходимые пределы для процесса образования органов. В экономическом организме тождество в соответствии с естественными свойствами земли также подавляет тенденцию к образованию органов, и в этом смысле принципиальное сходство людей оказывается действенным по отношению к самым широким территориям. Оно запрещает рассматривать территории и людей подобно колесам в машине. В течение долгого времени не удается подавлять промышленность (*Gewerbttätigkeit*) в колониях, которые метрополия стремится вынудить к одностороннему производству продуктов земледелия и скотоводства. В равной же мере – стремление замкнуть торговые пути на метрополию. Испания из-за таких попыток потеряла свою колониальную империю в Америке, Дания из-за них же – Исландию. Закрытие Голландией Антверпена (по Вестфальскому миру) привело к неорганичному положению, полному недостатков и не имеющее никаких перспектив; еще менее устойчивым было полное закрытие Бельгии при голландской оккупации, когда были блокированы все важные улицы и каналы. Для Англии теперь очень трудно надежно воспрепятство-

вать развитию промышленности и торговли в густонаселенной Индии, которое наносит ущерб метрополии.

Каждая человеческая общность (Gemeinschaft) находится в состоянии борьбы с внешним миром и самим собой за свою самостоятельность. Она стремится оставаться организмом, и все протекает в вечной смене распада и нового возникновения, в том, чтобы свести эту общность до уровня органа, что и означает историю. Мы видим бесконечное включение самостоятельных образований в более крупные общности и это редко приводит к новому обособлению. Сейчас на Земле 54 государства¹⁵, которые заслуживают названия самостоятельных, хотя несколько столетий назад их было несколько тысяч. Мировая коммуникация (Verkehr) работает над тем, чтобы превратить всю Землю в единый экономический организм, в котором страны и люди станут только более или менее подчиненными органами. Как много потоков мировой торговли течет теперь в Лондон! Народу необходимо обладать величайшей энергией и настойчивостью, чтобы в этом централизующем движении сохранить свою политическую и культурную самостоятельность.

В таком организме с однородными элементами как человеческое общество, отношения частей друг с другом (корреляция) приходят в большее соответствие, чем в организмах с определенными, своекачественными органами. Их сущность проще благодаря одинаковой основе, однородным элементам и большому значению центрального органа. Мы познакомимся с коммуникацией как важнейшим орудием этих отношений.

Органический характер государства характеризуется тем, что оно движется и растет как целое; и если растут и увеличиваются только его элементы, то это является движением и ростом и самого целого. Приращение на одной территории относится к другим территориям как рост суммы земли, жителей, материальных благ и возможностей. Невозможно, чтобы государство не было «universitas agrorum intra fines cujusque civitatis»¹⁶, как определяет его плоская формула. Даже если бы служащая только целому общая собственность не включала в себя дороги, пограничные линии и крепости, все же каждое частное хозяйство скоро почувствовало бы, что нанесение ущерба целому вредит и ему, а развитие целого благотворно и для него. Это чувство общности в современных государствах проявляется в резко возросшей чувствительности по отношению к мельчайшим нападкам на территорию государства, которая воспринимает потерю территории как невозполнимую утрату для целого.

Перевод А.Б. Рахманова

¹⁵ Готский календарь насчитывал в 1922 году 73 государства против 57 в 1914.

¹⁶ Общей землей, определяющей границы любого общества (лат) – Прим. переводчика.